



Живет в Санкт-Петербурге (Россия). Визитная карточка участника.

Шуба

Скорняк был строг и точен, как хирург,
сшивающий края открытой раны.
И мех теплел от сильных чутких рук,
учился греть, спасать и быть желанным.

И был мороз, и в шубе, как в гнезде,
дышало, пело нежное, живое.

Потом был дом, распялка на гвозде,
огонь в печи, безмолвие покоя.

Вот так висеть – больней, чем просто смерть:
ненужной быть и не коснуться даже
того, кого так хочется согреть.
Кого? Кого-нибудь. Обнять. Успеть.
До лета. До последней распродажи.

Хлебы

Очажный дым глаза не ест,
пожаров дым съедает сердце.
Хлебами, павшими с небес,
насытившись, не отогреться.

Но цепких рук тревожный лес
подобен стае жадных чаек,
от хлеба, павшего с небес,
сошедший хлеб не отличая.

Сильнее голод с каждым днем.
И дымом выстланы дороги.
Но есть на каждой светлый дом
с душистым хлебом на пороге.

Но есть меж дымных туч просвет,
и отдых перед встречей ратной,
и бабка, нас с тобой вослед
перекрестившая трёхкратно.

Не страшно

Шипя, чертыхаясь, сжимая кистень
и соображая от ужаса плохо,
по углям садов, городов, деревень
ступает босыми ногами эпоха.
Быть может, и нам не сносить головы,
но он уцелел, город сирый и битый,
и серым, не глаженным шарфом Невы
его Петропавловки горло укрыто.
Мне с ним хорошо и тепло, как с тобой.
Мы оба его повзрослевшие дети.
Повязаны общей Невой и судьбой
и тем, что нам врозь не живётся на свете.
Когда мы летаем, обнявшись во сне,
и ангел со шпиля нам крыльями машет,
свихнувшийся век улыбается мне.
И даже не страшно.

